

Цзи Тинсэнь спокойно произнёс:

— Объявление о том, что у меня есть парень, повлияет на мою карьеру. Учитывая наши деловые отношения, прошу тебя также поучаствовать, например, предоставить силуэт или фотографию с рукопожатием в качестве доказательства моих отношений. Конечно, если у тебя нет времени, всё это можно сделать без показа лица, пусть спецассистент Янь задержится на работе, хорошо? Если будет необходимо, он сможет забирать меня с работы, не часто, достаточно, чтобы нас сфотографировали пару раз с интервалом.

В определённой степени и брак, и карьера артиста были его работой, и доход от брака значительно превышал доход от артистической деятельности, поэтому иногда менее прибыльные проекты должны уступать место более успешным.

Это было основой решения Цзи Тинсэня согласиться с предложением Цинь Чжэня.

Деловые отношения, доказательство, если будет необходимо...

Цинь Чжэнь не ожидал, что такие рациональные слова появятся в устах Цзи Тинсэня. Он подавил неприятное чувство, возникшее, когда слова «деловые отношения» проникли в его слух:

— Я буду тебя поддерживать, и надеюсь, что ты сдержишь своё слово.

В конце добавил:

— В слухах нет злого умысла.

Цзи Тинсэнь включил огонь, чтобы разогреть остывшие помидоры с яйцом, и, повернув голову, улыбнулся. Его светлые глаза сверкали, как драгоценные камни:

— Я знаю, в дальнейшем приятного сотрудничества, господин Цинь. И ещё, СМИ любят распускать слухи, но все это просто мои друзья, хорошие люди, а не уродцы.

Цинь Чжэнь: Господин... Цинь?

Холод и отстранённость, исходящие от этих слов, заставили его сердце дрогнуть.

Внутренне он оправдывался: «Ты ничего не знаешь!»

Он не был бесчувственным. Все эти моменты защиты перед Цинь Цин, забота во время болезни, укрывательство перед бабушкой — как можно было всего этого не помнить.

Поднимая вопрос о публичном объявлении отношений, он в первую очередь беспокоился, что слухи могут навредить Цзи Тинсэню, и даже был готов выделить время, чтобы сыграть роль парня... просто привычно предупредил его, чтобы не...

Цинь Чжэнь сжал кулак, но неприятное чувство только усиливалось.

В конце концов он ничего не сказал, повернулся и разорвал упаковку с лапшой.

Словно в отместку, он сварил много лапши.

Цзи Тинсэнь, решив, что всё уже обсуждено, спокойно заглянул в кастрюлю:

— Так много, ты и Лю Чжи не пообедали? В будущем нужно вовремя — не пойми неправильно, я просто беспокоюсь, что бабушка будет переживать.

Цинь Чжэнь сжал руку, держащую палочки для еды, и, казалось бы, беззаботно ответил:

— Ты думаешь, все едят так же мало, как ты?

Цзи Тинсэнь покачал головой с улыбкой:

— Господин Цинь, я всё же твой старший брат, не стоит переходить на личности.

Он не мог не чувствовать, что по сравнению с физической болью невидимые оковы были ещё тяжелее, но, к счастью, всё это подошло к концу.

Он не заметил, как Цинь Чжэнь сжал губы, и, воспользовавшись моментом, приготовил картошку с уксусом, попутно попросив его отнести лапшу на стол.

Лю Чжи, набив рот лапшой, невнятно спросил:

— Брат Цзи, ты не ешь?

Цзи Тинсэнь сказал, что не голоден.

Подумав, он пошёл в гостиную, налил два стакана воды и поставил на стол:

— Ешьте спокойно.

Он поднялся наверх, принял душ, а затем попросил водителя отвезти его в сад «Ланьчжань».

.....

Внизу, в столовой.

Самые обычные блюда, но Лю Чжи ел с огромным удовольствием, и в какой-то момент, чуть не подавившись от жадности, спасся водой на столе.

Он не удержался от слов:

— Брат Цинь, я только сейчас понял, что жена действительно хорошая.

Цинь Чжэнь бросил на него взгляд:

— Через час уходи, и лучше убедись, что сможешь тогда вести машину.

Лю Чжи посмотрел на свой круглый живот и покорно отправился на прогулку.

Пустая столовая. Цинь Чжэнь положил палочки для еды.

Образ Цзи Тинсэня, чётко обозначившего границы, всё ещё стоял перед глазами, но он не чувствовал ожидаемой радости.

Может быть, это всё ещё недоверие, подумал он.

Если есть силы, то пусть больше не прячет его вещи.

Лапши было слишком много, и он, конечно, не смог всё съесть, но помидоры с яйцом он доел до конца.

Он пошёл в кабинет, взял книгу и открыл дверь спальни.

Спальня была пуста, прохладный ветер из открытого окна дул в лицо, вызывая лёгкое покалывание.

Может, снова ушёл в сад.

Цинь Чжэнь закрыл дверь и полулёг на кровать, читая книгу.

Это был перевод с английского на китайский. Перевод был посредственным и не передавал всю глубину оригинальной истории.

Через час Лю Чжи постучал в дверь.

Цинь Чжэнь закрыл книгу:

— Пойди позови жен... Цзи Тинсэня, спроси, уходит ли он.

Он не любил старый особняк, и раз бабушки не было, не было смысла оставаться.

Лю Чжи почесал голову:

— Брат, жена, кажется, ушла час назад.

Затем осторожно добавил:

— Вы... поссорились?

Цинь Чжэнь не ответил, взял книгу и спустился вниз.

Можно ли считать разговор на кухне ссорой, он не знал, но Цзи Тинсэнь действительно казался каким-то другим.

Господин Цинь...

Как будто какое-то невыразимое, плохое предчувствие.

Через полтора часа Цинь Чжэнь застыл у двери своей спальни в жилом комплексе «Ланьчжань».

У двери стояла небольшая коробка, похожая на контейнер для хранения.

Он открыл её. В верхнем отсеке лежали две пары запонок, зажим для галстука, чёрная пуговица с серебряным узором, а в нижнем — слева галстук, справа сложенная вполовину ладони тонкая чёрная домашняя одежда.

На одежде лежала записка с аккуратным и чётким почерком: «Вещи возвращены, всё кончено.»

Всего восемь слов, но Цинь Чжэнь перечитал их не меньше десяти раз.

Почерк был аккуратным, линии плавными, без единой ошибки или задержки, что давало

представление о спокойствии и уравновешенности человека, писавшего эти слова.

Это был результат, которого он хотел, но, похоже, он не чувствовал ожидаемого облегчения.

Напротив... как будто что-то потерял.

Тревога заполнила пустую грудь. Он поспешно засунул коробку в самый дальний угол шкафа, затем переоделся и позвонил:

— Пошли выпьем!

На другом конце провода мужчина удивлённо замолчал, вероятно, взглянув на небо:

— Ещё не стемнело, а ты уже закончил работу, это не в твоём стиле, что случилось, твоя старушка... или молодая жена?

Молодая жена?

Да, она была молодой, но не его.

Сложное чувство охватило его. Цинь Чжэнь выругался:

— Отвали!

Услышав адрес, он схватил куртку с кровати и спустился вниз.

Близился вечер, в столовой уже зажгли свет.

Цинь Чжэнь подумал, что это тётушка готовит ужин, и хотел сказать, чтобы не готовила для него.

Подойдя ближе, он остановился.

За столом сидел молодой человек, перед ним стоял маленький горшочек. Он медленно ел ложкой суп, и весь его вид излучал спокойствие и умиротворение.

Спокойствие... Цинь Чжэнь тяжело вздохнул, ему тоже следовало бы быть спокойным.

Цзи Тинсэнь не заметил человека у входа в столовую, не потому что суп из карпа с тофу был слишком вкусным, а потому что был занят другими мыслями.

Услышав шаги, он обернулся и удивился:

— Ты уходишь?

Он подумал, что Цинь Чжэнь в таком наряде выглядел очень хорошо: футболка, куртка, джинсы, бесстрастное лицо, длинные ноги — как студент колледжа.

Студент-красавец, неприступный и недостижимый.

Увидев, что Цинь Чжэнь смотрит на его горшочек, Цзи Тинсэнь объяснил:

— Я не ем втихаря, просто ещё не время ужина... просто перекусываю.

Перекусив, он собирался уходить, у него были дела.

Цинь Чжэнь:

— Угу.

Он невольно вспомнил, что тётушка, готовящая еду, упоминала, что Цзи Тинсэнь перенёс ужин с пяти тридцати на шесть, так что раньше он, вероятно, ждал его голодным.

Цзи Тинсэнь не знал, о чём думал Цинь Чжэнь, и не стал, как раньше, глубоко анализировать.

Вещи были возвращены, теперь нужно просто нормально общаться. Если Цинь Чжэнь будет думать слишком много, то это уже его проблемы, нельзя же вечно прятаться, как мышь от кошки.

Но из вежливости он спросил:

— Ты будешь есть?

Цинь Чжэнь отодвинул стул и сел.

Длинный обеденный стол. Раньше они всегда сидели на противоположных концах, но теперь он сел рядом.

Через двадцать минут все блюда, которые должны были быть готовы через час, уже стояли на столе, только суп ещё нужно было немного потушить.

Цинь Чжэнь пододвинул тарелку с рисом, которую тётушка наложила для него, к Цзи Тинсэню:

— Ешь сначала.

Ты же голоден.

Цзи Тинсэнь отодвинул тарелку обратно, не говоря ни слова, во рту у него была еда.

Выплюнув рыбную кость в маленькую тарелочку и вытерев губы, он сказал:

— Я уже наелся.

<http://bllate.org/book/16159/1447862>